

Александр Фирсов

Рыбий глаз

16+

Александр Фирсов

Рыбий глаз

«Автор»

2020

Фирсов А. О.

Рыбий глаз / А. О. Фирсов — «Автор», 2020

История о мальчике, от рождения наделенного необычным недугом, который, по его мнению, портит детство. Герой мечтает скорее вырасти, чтобы найти ответы на все вопросы и, самое главное, избавиться от своего врожденного «порока», не подозревая, что его уникальность открывает новые способности. Всего лишь одно лето в деревне с родной, но в то же время такой далекой и непонимающей бабушкой может стать судьбоносным. Мальчишка любит всем сердцем старушку и невероятно боится её потерять, поэтому готов пойти на любые жертвы ради спасения от опасностей, даже если сам их выдумал. Недетские переживания и внутренняя борьба балансируют на грани безумства и веры в светлое будущее, к которому так стремится мальчик. В оформлении обложки использован фрагмент картины «Boy's head». Автор Gustav Gwozdecki (Лицензия: PD-old-70)

© Фирсов А. О., 2020

© Автор, 2020

Александр Фирсов

Рыбий глаз

Лето в тот год выдалось доброе – лес на другой стороне реки сверкал темным изумрудом листвы, сочная и тугая трава упрямо вилась к небу, солнце в изобилии питало своим жаром землю, а дожди изливались доброй волей, не меньше, не больше, чем в том была нужда. На лоне природной непосредственности, в глухой окраинной земле, далекой от оголтелых центров, стоит уже который век деревня, стоит, как и прочие, одна из многих раскиданных по обширной карте страны. Там и начинается наша история.

На маленьких корявых мосточках, построенных за бутылку местными пьянчугами для местных же баб, чтобы те могли полоскать белье в реке, сидел маленький мальчик с самодельной удочкой в руках и глядел куда-то сквозь поплавок на золотящуюся в солнечных лучах водную рябь. Удочка его была самого простецкого вида, сделанная из гибкого прута и навязанной на конец леской, с винной пробкой вместо поплавка. Сам мальчик видом своим на первый взгляд, казалось, особенно не выдавался. Светлые, чуть выющиеся волосы, тонкая кожа и щербинка между зубов. И был бы он совсем ничем не примечателен, если бы не одна особенность.

Глаза у паренька были разного цвета. Левый – самый обычный, неопределенного темного цвета, а вот соседний – совершенно блеклый, будто выбеленный, вроде как случайно залили в него побелки, когда парня делали, да так бракованного и выпустили на белый свет. И такое бывает. Глаз, на удивление, был зрячим, но не изображал никакого переживания, ни грусти в нем не бывало, ни радости, ни задумчивости. Пуст словно стекляшка или льдинка. По-разному люди относились к такому диву. Дремучие бабки крестились да перешептывались, дети постарше и великовозрастные дураки смеялись да подтрунивали. Остальные не замечали как будто вовсе, а в голове, бог знает, что каждый мыслил. В остальном малец был совсем обычный, немного простоватый, немного рассеянный, но из общей массы не выбивался. Так, по крайней мере, виделось со стороны.

Звали паренька Андрейкой, и был он столичным жителем, а летом приезжал к бабушке в деревню и гостил до самой осени, ровно до того момента, пока над всей страной не раздавался веселый звон особого колокольчика, призывающий всех школяров вернуться за свои парты. Андрейка не любил уезжать в город, не любил он особо и учебу, и серые зимние городские будни, похожие друг на друга как две капли воды. Впрочем, по весне он также неохотно соглашался ехать к бабушке, которая с каждым годом отчего-то все с меньшей охотой брала к себе единственного внука и все чаще начинала свой день с вишневой настойки, после чего уходила куда-нибудь в гости и не возвращалась, бывало, до самых сумерек. Поэтому зачастую паренек был предоставлен сам себе. Он, конечно, не голодал и не ходил грязным и запущенным, но из-за скорее соседских, нежели семейных отношений с бабушкой, чувствовал себя довольно одиноко, хоть по малолетству не отдавал себе в этом отчет. С деревенскими детьми Андрейка дружил, но гулял с ними нечасто, потому что робел, когда дети ненароком тарасились на его «рыбий» глаз, пусть даже без всякого злого умысла. Хотя, конечно, и подшучивали над ним изрядно, но из-за уравновешенного и даже хладнокровного характера, внушающего некоторое уважение, не перегибали. К тому же многие дети побаивались белого глаза, ведь подчас, когда на Андрейку падали косые лучи заходящего солнца, он начинал поблескивать каким-то колдовским, потусторонним светом. В общем, детвора Андрейку особенно не обижала, но и порядочной любви или уважения он среди них не снискал. Говорил он мало, отрывисто – в ответ на вопрос все больше хмыкал, пожимал плечами да улыбался, постоянно норовя отвернуть «пустой» глаз от собеседника.

Ему было комфортно одному. Помногу читал любимые книги про пиратов – уходил на задворки деревни, где залезал на старый ветвистый вяз, прячась в густой листве, доста-

вал реквизит – оставшаяся от деда широкополая шляпа, которая условно выполняла роль треуголки и два бабушкина платка; большой атласный красный и маленький хлопковый черный. Красный вязался широкой лентой на пояс, а из маленького он скручивал аккуратную черную повязку на глаз. Конечно же, на «больной» правый. В этом образе он принимался за приключенческие романы, время от времени преисполнившись эмоциями, спрыгивал с дерева, хватая длинную палку, которая служила ему рапирой, и нещадно колотил ей близлежащий борщевик или крапиву, представляя себе абордаж корабля или захват крепости.

Вторым его постоянным занятием была рыбалка. Рыбачил он всегда в одном месте – на мостках, где бабы полоскали белье. Это было уединенное и уютное место, где он чувствовал себя безопасно и защищено. Он не испытывал особого удовольствия от процесса ловли, но рыбачил, преследуя совсем другие цели. Главное – это была хорошая возможность, чтобы побыть одному, да еще и у реки. Никто не пристаёт, не задает лишних вопросов – и так все понятно. Лишь изредка нужно было односложно отвечать на вопросы об улове приходящим полоскать белье теткам – но это ничего, обычно они больше, чем на полчаса не задерживались. Они с интересом, а иногда и с недоумением посматривали время от времени на маленького мальчика, который меланхолично глядел на раскачивающийся поплавок, то и дело уходивший под воду, но его как будто это совсем не волновало.

Андрейка же взглядов этих не замечал. Примерно каждые пять минут он вытаскивал пустой крючок из воды, сажал на него скатанный в комок мякоть хлеба и забрасывал вновь. Он, конечно, мог уйти вверх по реке, подальше от места общественного пользования, но заходить далеко, так, чтобы его не видели, было страшновато, а сидеть на отшибе, но в поле зрения – лишь подстегивать интерес и внимание к себе со стороны взрослых. И бабушка всегда могла его найти здесь, если была необходимость, впрочем, такого пока еще не случилось. К тому же Андрейке нравились мостки – это было укромное место, уютный закуток, огороженный с трех сторон высокой травой. Здесь ему было спокойно, тут он мог коротать дни и украдкой, пока никого нет, купаться. Тайком.

Почему-то Андрейке думалось, что если ты пришел рыбачить, то отвлекаться на всякие пустые развлечения нельзя. Если кто-то и заметит его за таким занятием во время ловли, то будет думать о нем плохо и обязательно расскажет всем, и тогда вся деревня будет смеяться над ним, и бабушка, разочаровавшись во внуке, перестанет вовсе с ним разговаривать. Потому купаться нужно было быстро, и как ни хотелось бы понырять – нельзя, голова сохнет долго и может выдать его с потрохами. Сердце бешено колотилось внутри груди, сотрясая все хрупкое юное тело, внимание на пределе, при любом шорохе – ужас, который гонит на сушу. Он в спешке, то и дело поскальзываясь на пологом глинистом берегу, натягивал на мокрое тело рубашку и шорты. Трясущимися от холода и ужаса ручками хватался за удочку и за секунду придавал своему лицу расслабленный и невинный вид законопослушного человека. Страшно, но весело. Если все складывалось удачно, через пяток минут напряжение спадало и по телу разливалось приятное чувство безнаказанности и ощущение собственной удали – как будто ты и в самом деле живешь лихой пиратской жизнью. В следующие полчаса Андрейка откладывал удочку в сторону, ложился на мягкую траву, закрывал глаза и нежился под ласковым летним солнцем. Думал о всяком: что-то представлял, что-то вспоминал, размышлял, что когда вырастет, то обязательно сделает себе специальную операцию, чтобы правый глаз его был нормальным, как другой. И тогда, тогда он сможет делать, что захочет, и никто-никто не узнает о том, какой он был раньше. Когда придет время выбирать профессию – станет моряком и будет плавать на больших кораблях, по морям, которым нет края, с пенящимися грозными волнами, прямо как он видел по телевизору. И еще он будет всячески помогать морским жителям; лечить китов, резать огромные траулерные сети и драться с браконьерами.

Потом он думал о родителях, о коте Ваське, об игрушках и о любимом мороженом. Думы эти, как у большинства детей, не были конкретно обозначены, скорее это больше походило

на эмоциональный поток, который возникал где-то в груди и дальше двигался по телу в зависимости от характера. То горячим течением радости приливал к кончикам пальцев на руках, то холодным страхом опускался к пяткам, то липкой грустью оседал в животе. Чаще всего он думал о бабушке. Размышления эти почти всегда сводились к тревожному ощущению, словно давящая на плечи глыба, от тяжести которой перехватывало дыхание, и мир сразу серел и становился блеклым, а контуры предметов размывались, так что вдалеке уже ничего не было видно. Точнее, виделось, но что-то другое: очертания предметов принимали странные, порой пугающие формы. Так, например, заброшенный сарай на той стороне реки мог привидеться то огромным медведем, а то и вовсе бабушкой, скрюченной в три погибели, которая махала рукой и как будто даже что-то кричала ему. И когда Андрейка смотрел на нее с этого берега, душу его сводила чрезвычайная и неумолимая грусть – ему думалось о том, что бабушка непременно скоро умрет, может, не сегодня и не завтра, но уже очень скоро, ведь она такая старая и такая больная, и он ничем не может ей помочь. Тогда он вскакивал и принимался метаться по берегу взад-вперед, щуриться и протирать глаза, пытаясь бороться с наваждением, а еще задерживал дыхание, пытаясь унять тревогу в груди.

Отходчива молодость, потому что ближе к жизни, нежели к смерти – мир вскоре светлел и становилось легче, но потом он еще подолгу мог представлять бабушкины похороны, чтобы внутренне подготовиться и смириться с предрешенным и скорбным будущим. После этих ритуалов к нему возвращалась привычная флегматичность настроения, и он вновь брался за удочку. Все также смотрел на водную рябь без всяких мыслей, заворожённый блеском водной глади. В конце дня неизменно прощался с речкой и мостками на случай, если не удастся больше сюда вернуться. Так повторялось изо дня в день.

В тот день Андрейка, как и всегда, рыбачил на мостках, и тут к нему на берег (видимо, по просьбе одной из участливых женщин, решивших про себя, что Андрейка просто не умеет правильно ловить рыбу) пришел местный абориген дядя Митя, который как бы невзначай присел с ним рядом, завел разговор издалека, а потом не меньше получаса рассказывал Андрею о премудростях рыбацкого дела, а заодно поведал и весь свой жизненный путь. Несмотря на утренние часы, от дяди Миши уже неприятно пахло луком и самогоном, но все же мальчик вежливо слушал и старательно делал очень заинтересованный вид. Такое поведение, как уже наверняка знал мальчик, способствовало скорейшему исчезновению незваного гостя с просторов личного пространства.

Деревенский мужик в беспечной простоте своей, не привыкший подбирать слова, а говорить, как мыслит, указывал Андрейке на ошибки, порой заставляя парня сжаться от холодного прикосновения чужих слов.

– Ты, парень, невнимательно смотришь за поплавком – это ж сигнал, первый знак, что клюет, любому дураку ясно. Ну... это, наверное, из-за этого... того... – и дядя Митя, прищуривая правый глаз, указывал на него большим грязным пальцем, – тебе, верно, очки носить надо. Мальчик сразу опускал глаза и, напрягаясь изо всех сил, удерживался, чтобы не повернуться к собеседнику в профиль, пряча «бракованный» глаз.

Дядя Митя, не замечая пылающих щек мальчика, тут же принялся разглагольствовать дальше. Тут же он сорвался на правительство – мысли его неизбежно и непредсказуемо скакали. Сначала он долго говорил в целом о стране, потом перекинулся и на местный муниципалитет, а закончил все жалобами на свою сварливую старуху, проклиная себя за то, что связался с ней. Испортив себе такими разговорами настроение, в конце замолчал и лишь сердито засопел, совершая полумистические манипуляции с грузилом и поплавком попеременно.

В конце концов, дядя Митя коротко и грязно выругался, отчего Андрейка невольно на секунду зажмурился и втянул голову в плечи, махнул рукой на удочку и, клятвенно пообещав сделать парню новую, в сто раз лучше, наконец ушел восвояси.

Ничего особенного в этом не было, время от времени любому ребенку приходилось выслушивать скучные поучения местных взрослых, оказавшись на беду не в то время и не в том месте. Тут уж ничего не поделаешь – взрослые так и норовили при любом удобном случае окунуть тебя с головою в океан своего жизненного опыта, дать прогноз или предсказание да и прочий совет-да-мудрость, которые почему-то самих этих взрослых не уберегли ни от алкоголизма, ни от нищеты, а главное не уберегли от их несчастной и пустой жизни. В общем, с такими моментами приходилось считаться, и это была одна из многих рядовых неудобств, которые испытывал Андрейка при общении с людьми.

Но вот то, что произошло секундой позже, оказалось невероятно странным и необъяснимым явлением. Происшествие случилось, когда дядя Митя повернулся спиной к Андрейке и неровным шагом поплелся прочь. Андрейка инертно глядел ему вслед, провожая взглядом неожиданного гостя.

Полуденное солнце светило прямо на деревенского мужика, обрамляя его неказистый контур красивым золотистым свечением. Любитель созерцания Андрейка залюбовался эффектом. Глаза чем дальше, тем больше слепило, но мальчик продолжал смотреть. Вдруг ни с того ни с сего залитый желтым солнечным светом до сего момента мир вдруг стал стремительно терять краски, тускнеть и сереть. Прямо как в те минуты приступов отчаяния, которые случались с ним не раз на этом берегу, но при совершенно других обстоятельствах. Время также замедлило бег. Сутулая фигура дяди Мити двигалась так медленно, что, казалось, мужчина идет, словно по болоту или по глубокому снегу, с большим трудом переставляя ноги. А вокруг него стали появляться одна за другой неясные черные точки. Одна, две, три – и вот уже с дюжину таких роилось вокруг его головы. Они кружили около сгорбленной фигуры и двигались быстро и хаотично, пикируя на него, стараясь пробить тонкую полосу света, окружающую силуэт дяди Мити. Больше всего эти точки были похожи на жирных мух, которых спугнули с высоких кустов неосторожным движением. Андрейка заметил, как одна из мух круто спикировала сверху и воткнулась прямо в темечко дяди Мити. На этот раз свет не отразил нападение. А через мгновение черные точки стали постепенно исчезать, а серый замедленный мир снова наполняться красками и движением. Еще секунда – и реальность стала привычной и узнаваемой. Дядя Митя сделал еще пару шагов и остановился – медленно, словно в замешательстве, поднял руку, поскреб ладонью голову, ровно там, куда «впилась» черная точка, затем на секунду обернулся на Андрейку и зашагал дальше. Мальчик с испугом отметил, что, несмотря на оживший мир, вновь утопающий в летних ярких красках, лицо мужика оставалось все таким же серым.

Скоро дядя Митя уже скрылся с глаз, а видение так и стояло у мальчика перед глазами. Он зажмурился и с силой стал тереть глаза, пытаясь стряхнуть увиденное. Черные мушки так и вились перед глазами – он даже слышал их жужжание, противное и назойливое, которое все нарастало и перекрывало собой все прочие звуки. Жужжание переросло в рокот, как будто Андрейка оказался около огромного водопада. Он зажмурился еще сильнее и закрыл ладонями уши. Сквозь шум, затопивший его голову, стали пробиваться какие-то булькающие звуки, словно глухое эхо, от кипящей где-то неподалеку кастрюли с водой. Бульканье повторилось вновь, уже громче и как будто ближе. Затем Андрейка почувствовал чужое прикосновение, столь неожиданное, что, казалось, оно обожгло его, как будто к нему приложили раскаленную кочергу. Он резко открыл глаза и тут же назойливое жужжание прекратилось. Перед его взглядом возникло улыбочивое круглое лицо, густо покрытое темными веснушками. Это была Марья, девочка на год его старше, которая жила через два дома от него.

– Андрей, ты чего? Уши что ли болят? Воды набрал, наверное, когда купался. Надо попрыгать на одной ноге, вот так, смотри, – и девчушка стала забавно прыгать на месте, и ее густые, короткие кудрявые волосы рыжего цвета пружинили в такт прыжкам. Андрейка

невольно заулыбался, что случалось редко. Его тонкие бескровные губы широко расплзались, обнажив щербинку между белоснежных молодых зубов. Ему сразу полегчало, тяжелое навязчивое состояние ушло.

Было в Марье что-то удивительно милое и умиротворяющее: в ее непосредственности, неловких, но честных движениях, и в мимике. При ней любой чувствовал себя расслабленно и комфортно. Пожалуй, это был единственный человек в деревне, кроме бабушки, который по-настоящему нравился Андрейке. К тому же она никогда не шутила про его глаз и даже считала это здоровской и необычной штукой. Или, по крайней мере, так говорила вслух.

Марья была очень популярна среди деревенских мальчишек и девчонок, все время проводила среди них, но иногда (реже, чем хотелось бы), она, ведомая зарождающимся в ней материнским инстинктом, приходила на берег проведать Андрейку и предпринять ненавязчивую вроде бы попытку опеки над ним – просто поговорить, проявить участие, пригласить в социум, наконец, просто поиграть в казаки-разбойники или футбол. Она была одним из тех людей, которые имеют удивительную способность – дружить со всеми людьми, встречающимися на пути, дружить легко и необременительно для собственной нервной системы. Даже с детьми, которые ей казались совсем глупыми или скучными, она могла обходиться так – парой фраз, улыбкой и задорным взглядом, что тот чувствовал себя довольным и расположенным к ней. Марья являлась социальным клеем, способным склеить самых разномастных и непохожих людей вместе.

Андрейка в глубине души подозревал, что она общается с ним лишь потому, что такова была ее суть, а не потому, что он обладал интересной личностью или хотя бы какими-то полезными для нее навыками. Она, словно молоденькая львица на суверенной территории, должна была контролировать свои земли – для нее это означало контактировать со всеми, тонко манипулировать взаимоотношениями и хорошо ориентироваться в течениях социальной группы, чтобы загодя знать, откуда и куда дует ветер перемен. Она была в курсе всех тайн и подоплеки местного детского сообщества; кто на кого держал обиду, кто стремился к статусу изгнанника, кого и за что могут или уже наказали родители, кто может заложить, а на кого можно рассчитывать. Также она знала все вкусы и предпочтения ребят, ну и конечно же, кто кому нравится в смысле дел сердечных. Она не стремилась к корысти и не была меркантильной (пока еще), но лишь шла по зову своего сердца, своего характера, который уверенно толкал ее навстречу успешному и светлому будущему.

– Здравствуй, Марья, – поприветствовал ее Андрейка, сбившись на хрип, после чего незамедлительно смутился.

– Привет-привет, ты, должно быть, точно простудился, от того и хрипишь, как старый дед, – Марья звонко и коротко хохотнула и плюхнулась на траву рядом с ним. – Это все потому, что ты часто купаешься тут – вода холодная, а у тебя даже полотенца с собой нет, чтобы обтереться. Я тебе принесу одно из своих, только не забудь отдать в конце лета, ладно? Пообещай, что отдашь.

– Обещаю, – тихо сказал Андрейка и снова заулыбался против воли.

Препираться все равно было невозможно, да и Марья дружеский и искренний тон построил ситуацию так, что даже вежливый отказ прозвучал бы как грубое оскорбление. Вот так с ней всегда. Спорить с этой девицей или сопротивляться ей было заведомо провальной затеей. Но мальчику это нравилось. Он знал, что она, скорее всего, забудет про свое обещание уже завтра, но его это не заботило. То внимание, что она дарила ему, согревало его в сто раз лучше, чем на то способно любое махровое полотенце.

А еще Андрейка был удивлен и смущен тем фактом, что Марья знает о его «тайных» купаниях, ведь скорее всего она этого не видела лично, а кто-то с ней поделился. А значит, об этом знают уже все. И конечно, ничего предосудительного в этом занятии не было с точки зрения любого человека, но его обожгло внутреннее чувство стыда, оттого что еще утром

он с гордостью думал о том, как хитро он придумал купаться на мостках, о финте с сухой головой. Видом свое переживание он, разумеется, никак не показал.

– Спасибо, – поблагодарил Андрейка за обещанное полотенце, но в большей степени, конечно, за то, что она сидела сейчас рядом с ним. Вот так запросто. И не стеснялась, и не дразнила. Такая красивая. Спасибо.

– Да не за что, ерунда, – махнула она рукой, – кстати, ребята собираются сегодня к вечеру лезть в заброшенный дом в конце деревни, хочешь с нами? Там жуть! Говорят, там жила раньше старуха, которая во время голода съела своих внуков, а потом, когда опомнилась, сбрендила с горя. Все время видела перед глазами внуков, куда бы ни шла, а потом раз... – Марья смешно выпучила глаза и затаила дыхание, создавая напряжение и интригу, – обожгла глаза в печи, чтобы больше ничего не видеть! Только ей это не помогло, и внуки стали ей нашептывать на ухо, а по ночам плакать из-под кровати.

– И что тогда? – спросил заинтересованный Андрейка, любитель остросюжетных историй.

Марья равнодушно хмыкнула.

– Повесилась... мальчики спорят, висит ли ее труп в доме до сих пор. Вот и хотим проверить. Ну, так что? Ты с нами? – Марья хитро сощурилась, пытаясь понять, трусит он или нет. Делала это она нарочито очевидно, чтобы у Андрейки не возникло сомнений в том, что она проверяет его мужественность.

Парень, конечно, проглотил наживку. Невольно приосанившись, он уверенно сказал:

– Пойду, где встречаемся? И во сколько? – к слову, уверенность его не была напускной, он и вправду не боялся. Несмотря на малый возраст, Андрейка уже понял, что в жизни бывают вещи куда страшнее призраков или вампиров – змеи, например, их много там за баней, в высокой траве и на больших камнях. Туда вечно ходит бабушка рвать зверобой для чая. Там так много змей. Гладкие и блестящие, двигаются быстро и бесшумно, словно по волшебству. И что хуже всего – с ними нельзя договориться, как, например, с соседской задиристой собакой. И почему только этот дурацкий зверобой растет именно там?

– Вот и славно. Вечером, в девять часов. Сбор у старого колодца или подходи сразу на место, – отрывисто сказала Марья и тут же быстро засобиравшись уходила, решив, что ее задача тут выполнена. – Мне пора, увидимся вечером, – она весело подмигнула ему и пустилась прочь.

Андрейка глядел ей вслед до тех пор, пока ее бежевое в черный горошек платьице не скрылось за поворотом тропинки и еще долго потом пытался выловить в просветах высокой осоки образ рыжих кудрей, тугие пружины которых кое-как сдерживал красный ободок, украшенный блестящими стекляшками.

День был в самом разгаре, но теперь уже продолжать рыбачить казалось делом неимоверно скучным. Всеми мыслями Андрейка был уже там – у мрачного, почерневшего от времени гнилого дома на краю деревни, где, по слухам, жила и умерла страшной смертью безумная старуха.

Даже крайне странный инцидент с дядей Митей как-то отошел на второй план и чем дальше, тем больше казался нелепой случайностью и пустяком.

Мальчик все больше представлял, как он бесстрашно пойдет вперед, как первый будет приминать дорожку к двери через густые кусты репейника и крапивы. И как будет вскрывать старый ржавый замок, чтобы компания могла попасть в дом. И когда гнилая половица в доме пронзительно скрипнет, и все девочки разом запищат от ужаса, он как бы случайно возьмет за руку Марью и тогда, тогда... нельзя и представить, что будет, но обязательно должно было произойти что-то хорошее. Тогда она будет каждый день приходить к нему на берег, и вскоре он приведет ее к старому вязу, где они будут вслух читать книги про пиратов, которые ей, без

всякого сомнения, очень понравятся. А в конце лета окажется, что ее родители решат переехать в Москву и купят квартиру через два дома от него.

Детские мечтания, дрейфуя по неспешным течениям сознания, не наткнулись на скалы холодной логики и безапелляционного опыта, как это бывает у взрослых, рана осколками сердце и вырабатывая стойкий рефлекс – избегать пустых мечтаний. Тягучие и сладкие, словно мед, фантазии Андрейки растекались по уму легко и беспрепятственно, захватывая не только внутренний мир мальчика, но и реальность вокруг. В проплывающих высоко облаках теперь виднелись очертания Марьи, то и дело слышался ее голос, звонкий и беспечный, он доносился то тут, то там.

На душе было легко, но немного беспокойно, примерно как в ожидании подарков на новый год. Сидеть на берегу стало совершенно невыносимым занятием. Андрейка закрутил леску вокруг удочки и бросил ее в ближайшие кусты, а сам пошел прочь от реки – без всякой цели, просто шагая по знакомым дорожкам. Ноги сами направили его к старому вязу. У него не было с собой книг, да и читать вовсе не хотелось, поэтому, задержавшись у дерева на пару минут, похлопав старого друга по грубой, но теплой замшелой коре, он побрел дальше в поле, туда, где вдалеке зеленела ровная кромка леса.

Будучи благоразумным и трезво мыслящим ребенком, обычно он не заходил в лес один, но сегодня он чувствовал себя, как никогда, храбрым и хотел насладиться этим состоянием. Широкими шагами он шел через густую и высокую траву, не боясь ни змей, ни кочек. Высокая трава неприятно щекотала открытые колени, так что через каждые десять метров пути приходилось их расчесывать докрасна. Дойдя до края поля, он оглядел ровную шеренгу высоких сосен, за которой находился густой «грязный» лес, от которого веяло прохладой, сыростью, а еще грибами и перегноем.

Лес начинался так резко, что от залитого полуденным солнцем поля до темного и мрачного залесья нужно было сделать всего лишь пару шагов. Когда ты заходил под сень вековых деревьев, как по волшебству наступали сумерки и лишь редкие лучики, пробивающиеся сквозь купола деревьев, не давали зрелищу обмануть тебя – становилось очевидно, что там, высоко, был день, ясный и светлый.

Тревожно озираясь по сторонам, но ежесекундно храбрясь перед самим собой, он уверенно шагал через коряги и поваленные деревья, мягко ступая по мху и молодым кустам черники. Цепкий, внимательный взгляд мальчика по привычке ощупывал окружающее пространство, подмечая моменты и феномены интересные, наверное, только для него одного.

Вот Андрейка видит большое старое дерево, поваленное, вероятно, совсем недавно. Нависая над молодыми деревцами и кустарниками, оно полностью закрывает их от редких солнечных лучей, намного усложняя и без того непростое выживание молодой поросли, которой не повезло родиться в этом темном холодном мирке. Вероятно, молодые сосенки зачахнут в тени мертвого дерева, и Андрейка один, кто станет свидетелем их участи. Ему не жаль деревья – он не хочет им помочь, гораздо больше их ему жаль себя и бабушку. Деревья... все равно пойдут на растопку чьей-нибудь бани, ну, или на доски, столы и стулья. Все одно их ждал печальный конец, а ведь они ничего не чувствовали и не понимали, по мнению мальчика. Чего ради их жалеть?

Гораздо больше его завораживал фатализм ситуации – мрачная предрешенность. Ему нравилось думать, что он, словно провидец из книжек, видел будущее, заранее знал, каким оно будет и был к нему равнодушен и безучастен, словно бы и не принадлежал этому миру, а всего-навсего был сторонним арбитром. В такие моменты он чувствовал себя очень особенным и даже неуязвимым. Такие же чувства он испытывал, когда в городе в дождливые дни находил червяка на асфальте, который беспомощно полз навстречу судьбе, не зная еще, что судьба его – это шестиполосное шоссе, стелющееся по одному из многих проспектов Москвы. Червь не знал – а Андрейка – да. В его власти было изменить будущее этого червя – спасти

от гибели или же подтолкнуть к ней, но выше прочего он считал за честь не делать ничего, охраняя таким образом вселенский порядок вещей и естественный ход событий.

Созерцать неизбежность и не вкушать ее скорби, оставаясь безмятежным – самое смелое и великое, на что способен человек. Андрейка, конечно, не мог по малолетству сформулировать для себя свои переживания, но в запутанном клубке мысле-чувственных ощущений, сосредоточенных в районе солнечного сплетения, он ощущал именно это.

Таких печальных видов в дремучем лесу было изрядно. Каждая травинка, сминаемая под его сандалиями, могла не оправиться более никогда. Черника, которая созреет к августу, будет безжалостно обобрана местными пьяницами и обменена на самогонку. Сколь много кустов будет вырвано с корнем и не исполнит своего предназначения, ради которого пришло в мир? А сколько такого происходит в лесу день за днем, из года в год? Какие трагедии разворачиваются на его просторах? То, чего никто не увидит и никогда не узнает. Но другим наплевать на это. Может, это интересует дядю Митю? Или бабушку? Или Марью?

Нет, они заняты своими прямыми, крайне прагматичными делами и обязанностями, причинно-следственные отношения которых коротко и жестко привязаны лишь к ним самим, как правило, не далее, чем на пару шагов в сторону. Мелкий житейский сор под ногами. Такие люди подобны прикормленным голубям в парке, которые с неистовой жадностью ждут секунду, когда на землю перед ними упадет ближайшее к ним семечко, которую надобно без всяких раздумий схватить, проглотить и...ждать следующей. До тех пор, пока тебя не собьет машина или не сожрет бездомный кошка. А так происходит всегда рано или поздно.

Андрейку же захватывали такие знания. И он искал их в окружающем мире. Вот только занимала его все больше трагедия жизни, нежели светлая, удачная ее сторона. На удачу нельзя было положиться, в ней не было уверенности, честности и постоянства. Как сказал все тот же дядя Митя однажды в разговоре, который невольно подслушал мальчик – счастье все равно, что неземной красоты баба, которая прекрасно об этом знает, а потому – сука без жалости и всякого понимания. Андрейка сравнения не понял, но отчего-то слова ему хорошо запомнились. Наверное, потому что понимал, что они по смыслу пересекаются с его собственными рассуждениями. Всякая радость лишь туманит голову, а когда опомнишься – понимаешь, что остался без штанов. С другой стороны, несчастье никогда не лукавит. Оно как есть, так и предстает перед тобой и дальше уже тебе решать, как к нему относиться. И с ним-то можно вести диалог и договариваться. И самое главное отличие несчастья от счастья – ты не боишься, что оно уйдет, нет страха, что сегодня хорошо, а завтра может стать плохо. Ты твердо знаешь, что, когда оно уйдет, будет только лучше и никак иначе.

В отличие от большинства людей Андрейка не думал о том, как может тебе повезти в жизни, а все больше о том, как тебе может занемочь. Наверное, потому, что такое с ним случалось чаще, и он невольно хотел видеть и знать о тех, кому хуже и труднее живется, чем ему самому. И хоть изначально он шел в лес, лишь для того, чтобы скоротать время, теперь его ум зажегся лишь поиском скорбного зрелища. Но сколько бы он ни удалялся в лес, ничего такого, что могло бы проявить в нем достаточный интерес не находилось. Он уже хотел было развернуться, чтобы идти обратно навстречу дню, как у большого замшелого пня заметил крупный, аккуратный муравейник, заботливо сложенный его работящими жителями.

Он подошел к нему впритык и опустил на коленки, чтобы разглядеть муравейник получше. Там, как всегда, кипела жизнь и безоговорочно занятые насекомые сновали туда-сюда согласно их биологической разнарядке, не обращая внимания на Андрейку и, не задумываясь о том, что живут в тени других живых существ, столь значительно их самих, что их собственное существование вроде как и вовсе теряет всякий смысл. Не думают они и о его бабушке, и о Марье, что, наверное, зря – ведь она им наверняка очень бы понравилась, будь у них шанс с ней познакомиться. Не бабушка, конечно, а Марья.

Тут же Андрейке в голову пришла мысль, которая холодным, острым удовольствием стала покалывать его ум. Вот то, чего он искал в этом сыром лесу. Что может быть трагичнее, когда у тебя есть потенциал – сама возможность чего-то, что у тебя отнимают навсегда. И тем хуже, если отнимают без всякой видимой причины, без нужды и без следствия. Отбирают не зачем-то, а просто так, дабы развеять скуку. Нет ничего безнадежнее утраченной возможности, упущенного шанса. Нет горя тяжелее и острее, чем умозрительно взирать на то, чего нет и не будет уже никогда, но что еще совсем недавно могло и имело право на существование, хотя бы даже и в самых смелых мечтаниях.

Андрейка быстро ощупал свои карманы и, найдя нужное, выдохнул так, как выдыхают люди, которые вдруг решили, что забыли ключи от квартиры и, перерыв все карманы, все же находят их. Мальчик извлек на свет мятый, потертый коробок спичек. Вообще, ему не разрешали-то играть с огнем, но он тайком воровал их из бани. Он стал одну за одной вытаскивать тонкие деревянные палочки и зажигать их по единственному сухому уголку коробка. Отсыревшие спички горели плохо, не больше одной-двух секунд. Но эти секунды завораживали своей красотой, своей уникальностью. Андрейка не видел ничего красивее огня. Все оттого, что все виденное им в жизни можно было сравнить с чем-то другим. Кроме огня. Пламя имело абсолютно уникальную природу и вид, который не походил ни на что другое. К тому же его было не так много, по крайней мере, в мире Андрейки. Видел он его только что в печи, да иногда в костре. А в городе не видел месяцами вовсе. Восторженно глядя, как вспыхивают серные головки спичек, он думал о том, что может быть еще много такого, вроде огня, чего он еще не видел – чего-то необычного, не похожего ни на небо, ни на землю, ни на бетон, ни на дерево. И как жаль будет, если человек уже открыл все тайны природы, и ничего нового уже не случится. Может и так, но огонь, огонь останется с ним. Лишь бы был коробок спичек под рукой.

Увлечшись, мальчик не заметил, как спалил почти все спички. Пришло время переходить к главному. Он вытащил спичку, быстрым движением поджег ее и поднес к коробку, картон которой незамедлительно стал чернеть и дымить. Через секунду коробок объяло пламя – увидев это, Андрейка ткнул носком сандалии муравейник у его основания, проделав в нем брешь, и подложил туда тлеющий коробок. Еще через секунду коробок ярко вспыхнул – это зажглись оставшиеся в коробке спички. Пламя быстро перекинулось на сухие хворостинки. Огонь стал расплзаться во все стороны, и все же пламя разгоралось не так быстро, как он себе представлял. Муравейник даже не горел по-настоящему, а скорее тлел, производя больше дыма, чем зрелища. И вообще-то, несмотря на трагичность ситуации, зрелище выглядело скучно, если бы не одно «но». Муравьи, волей судьбы очутившись в зоне пожара, не пытались спастись бегством, как закономерно было бы предположить, а все также упорно продолжали исполнять свои обязанности. Усики на их головах плавильсь от жара, а лапки чернели от огня, но они все также настойчиво тянули на своих спинах груз, который определял их жизнь. Они сгорали заживо, ни на секунду не мешкая в выборе пути. Цель их существования была сильнее всякого инстинкта самосохранения.

Андрейка с открытым от удивления ртом смотрел на происходящее и вдруг почувствовал нарастающее в душе чувство. Это было почтение. Мальчик невольно зауважал храбрых и стойких маленьких существ, которые не останавливались не перед чем ради исполнения своего долга. Сразу за этим чувством следом пришли и два других. Огорчение и раскаяние. Мальчику стало нестерпимо жалко погибших муравьев – губы его затряслись, а глаза стали мокрыми от слез. Он принялся закидывать землей очаг пожара, и с каждым вздохом из груди его пробивался жалостливый всхлип или стон. Потушив огонь, он, утирая льющисся из глаз слезы, смотрел, как разворошенный муравейник тут же принялся ликвидировать последствия постигшего их несчастья.

Андрейка вновь проникся глубоким уважением к этим существам – они, как и все прочие создания, не знали, когда и с какой стороны к ним подкрадет несчастье, но, когда это

произошло, не испугались и не бездействовали, не утопали в собственном горе, не прятались от проблем, как это свойственно многим другим живым существам, в том числе человеку. А точно также слаженно и хладнокровно стали решать проблему, бороться до окончательной победы или неминуемого поражения. Андрейка подумал, как здорово было бы стать таким же сильным, как они, и не прятаться больше от всего мира за высокими кустами осоки, коротая дни в скуке на дряхлых старых мостках. Вдруг он понял, что ненавидит рыбачить.

Окончательным аккордом его настроения стало тяжелое и тупое чувство стыда. Стыда за все сразу. За поджог муравейника, за то, что поддался эмоциям и превратился из «высшего наблюдателя» в сопливого пацана, и еще было стыдно за то, что вообще взял привычку вести себя нарочито отстраненным и безучастным – теперь, когда к нему вернулись нормальные человеческие ощущения, это казалось глупо и даже отвратительно. Хорошо, что никто из ребят этого не видел, особенно Марья.

Понурился, он медленно шагнул домой, и даже когда темный лес вновь сменился светлым и теплым полем, не обратил на это никакого внимания. В голове его роились разные ощущения, попеременно сменяя друг друга. Взгляд его был тупым и сердитым, он смотрел себе под ноги, не видя ничего более, чем на два шага вперед. Руками он нервно рвал верхушки трав и тут же бросал их под ноги.

Когда он наконец вышел на проселочную дорогу, ему полегчало. Досада стала потихоньку отступать, но вместо нее он почувствовал сильную усталость. Хотелось лишь скорее добраться до дома и уткнуться лицом в холодную подушку.

Скрипнув калиткой, мальчик быстро пересек поросшей травой двор, скинул у порога сандалии и зашел в дом. В сенях было темно и прохладно, пахло свежим супом. Значит, бабушка была дома. У дверей в избу стояли грязные, заляпанные засохшей глиной высокие галоши.

Такую привычку имел только один деревенский житель – бабка Маша, неряха и сплетница, которая жила в самом конце деревни на отшибе, но отчего-то все новости узнавала самой первой. Андрейка не любил ее за то, что та слишком много и слишком быстро говорила. Она могла прийти без всякого дела и часами сидеть, меля всякую чепуху и обсуждая каждого, кто проходил мимо окон. И еще у нее почти не было зубов во рту, и черная пропасть рта с редкими корявыми «колышками», как называла их бабушка, выглядели отталкивающе и даже пугающе. Ее не очень любили в деревне, но терпели – все потому, что она была одинокой и очень бедной старушкой, чей муж умер давным-давно, а единственный сын отбывал длительный тюремный срок, на что она часто жаловалась, говоря, что при ее летах, уже ни за что не дождаться его и что свидятся они с сыночком, теперь лишь на том свете. Бабка Маша часто ходила по гостям лишь для того, чтобы вдоволь поесть и дабы не оставаться должной, сама на себя взяла роль деревенского радио, рассказывая все местные курьезы, зачастую за неимением которых придумывая их сама. Так она чувствовала себя полезной, к тому же постоянной болтовней она заглушала безутешную участь одинокой старости.

Андрейка зашел в дом и увидел, как в залитом солнечном свете помещении, в лучах которого клубилась пыль, за столом сидела бабушка, а напротив вышеупомянутая гостья. Перед каждой стояла высокая стопка, доверху наполненная вишневой наливкой, а посередине блюдо с холодными закусками. Женщины, упершись локтями и наклонившись друг к другу через стол, вели активную беседу громким шепотом, то и дело охая и причитая. На возникшего в дверях Андрейку они не обратили никакого внимания. Мальчик скомканно поздоровался, и тогда бабка Маша на секунду повернула в его сторону голову.

– Здравствуй, здравствуй, милоч, ты чего такой помятый? Смотри, Анька, весь в овсянице да в пырее. Где-то лазил сорванец, – бабка Маша улыбнулась беззубым ртом и в шутило погрозила Андрейке пальцем. После чего мгновенно потеряла к нему всякий интерес и вновь принялась тараторить, обращаясь к подруге. Бабушка недовольно глянула на Андрейку

и жестом указала ему на дверь – что значило, что ему следует выйти на улицу и отряхнуться, прежде чем лезть на кровать. Мальчик неохотно поплелся исполнять приказание. Вслед бабушка сказала, что на плите стоит свежий суп и чтобы он непременно вначале покушал, прежде чем убежит гулять.

Выйдя на крыльцо, Андрейка быстро, впрочем, не особенно старательно принялся очищать себя от всякой лесной требухи. Уже собрался идти обратно в дом, как вдруг в кустах увидел знакомый силуэт. Андрейка тут же заулыбался, и глаза его радостно заблестели, (точнее лишь один) при встрече со старым знакомым.

– Дымка, Дымка...кис-кис-кис. Иди сюда, глупая.

Из травы настороженно вылезли два потрепанных уха, а затем и вся кошка целиком. Дымка была бездомной – раньше она жила у дядьки Тоши, ветерана войны, которого в молодости контузило фугасом, отчего он так и не смог оправиться до самой старости и всю жизнь прожил, будучи, как говорили люди, не от мира сего. Но бабушка говорила про него, что он такой, потому что на войне ему приходилось много хоронить – и врагов и товарищей, а его самого смерть по случайности избежала, хотя он должен был остаться с ними. И как сам дядька Тоша говорил, стоят перед глазами молодые в шинелях кровавых, днем и ночью стоят, и немymi взглядами зовут за собой, а он все топчет и топчет без цели и пользы эту землю, хотя давным-давно сделал то, что ему полагалось. Год назад смерть исправила ошибку, и старик во сне перестал дышать.

С тех пор кошка скиталась по деревне и кормилась у добрых людей. И хоть таких хватало – все равно была тощая, нелюдима и дерганая. А еще она никогда не мяукала. В общем, странная животина – вся в хозяина. При этом имела красивую пепельную расцветку и светло-желтые глаза. Только один. Второй потеряла в стычке с собакой. Нужно ли говорить, что Андрейка сразу проникся симпатией по отношению к этой дикой, но красивой и таинственной бестии.

Животное осторожно подошло к мальчику, село в полуметре от него и вопросительно уставилось на него единственным глазом. Андрейка протянул руку, чтобы погладить кошку, но та разом выгнулась в дугу и напряглась – было понятно, что, если Андрейка не погодит с ласками, она удерет, только и видели. Андрейка поспешно отдернул руку.

– Ты, должно быть, кушать хочешь? Ну погоди-погоди, сейчас... только не уходи, посиди тут секунду.

Мальчик, медленно, чтобы не спугнуть кошку открыл дверь и зашел за порог. И тут же резко, буксуя на скользком полу, рванул на кухню – туда, где на плите стояла почерневшая от времени кастрюля с супом. Куриный суп – хорошо. Мальчик, с тревогой оглядываясь на дверь в избу, стал вылавливать самый приличный кусок курицы. Перекидывая горячее мясо с руки на руку, он помчался назад. К счастью, животное никуда не делось и грелось на солнышке, вылизывая колтуны на боках. На подношение Дымка накинулась, не раздумывая, жадно впиваясь в белую мякоть острыми и тонкими клыками. Андрейка присел прямо на дощатые ступеньки перед дверью и с умилением глядел на кошку. Та, мгновенно расправившись с угощением, тут же растянулась на траве, подставляя мордочку теплым лучам. Мальчик осторожно, шаг за шагом приблизился к кошке. Та была не против. Он легко, касаясь шерсти лишь двумя пальцами, стал поглаживать Дымку. В ответ кошка стала хватать его руку передними лапами.

– Играть, значит, надумала? Ну, смотри мне! – мальчик улыбался, и из его груди то и дело вырывался смешок. Игра разгорелась не на шутку. Дымка цепляла его всеми лапами за рукава рубашки и никак не желала отпустить «добычу», отчего на ситцевой рубашке оставались дырочки и вылезали нитки. Андрейка в ответ щекотал кошачье брюшко и легонько стучал указательным пальцем ей по носу. Как это часто бывает с детьми, он так увлекся этой возней, что перестал замечать мир вокруг.

– Эй, бледноглазый! Будешь мучить животное – по лбу получишь, ясно?!

На Андрейку в следующий момент словно ушат холодной воды опрокинули. Он мгновенно оттолкнул кошечку в сторону и нервно обернулся на голос. У его калитки стояли трое ребят, которые жили дальше по дороге. Тот, кто обратился с угрозой – Иван, рослый для своего возраста парень с уже пробивающимися над верхней губой светлыми усами. Он, как и Андрейка, жил в Москве и был подающим надежды юным хоккеистом. Вторым был Женя – худой и сутулый, болезненного вида мальчик в больших роговых очках, который был старше всех, но со сверстниками не дружил по причине некоторой отсталости – телесной и умственной. Был порочным и трусливым. Хвостом ходил за сильным и смелым Иваном и подпевал всякому его слову.

Ну, а третьим их спутником была Марья, которая, нахмутив тонкие брови, толкала сейчас Ивана в бок. Тот не смел сопротивляться.

– Чего ты такое говоришь, дурачок? Андрей добрый, он и муху не обидит, – грозно отчитывала она парня. Андрейка, услышав лестный отзыв, тут же густо покраснел, вспомнив, как еще час назад жег ни в чем не повинных муравьев в лесу.

– Ладно, ладно... я просто пошутил, – не всерьез оправдывался Иван. И уже обращаясь к Андрейке сказал:

– Слушай, мы сегодня на закате лезем в заброшенный дом в том конце – и он махнул рукой указав направление.. – Айда с нами, если не трусишь – будем мертвую бабку гонять, пока на тот свет не сбежит от нас, – сутулый Женя при этих словах задорно загоготал за спиной друга.

– Ага, старую дуру поджопниками прогоним, она же слепая, не видит ничего, – скрипуче вторил словам приятеля Женя, нахально улыбаясь большими желтоватыми зубами.

– А он и не трусит... и вообще посмелее вас обоих будет, скажи, Андрей? – произнесла Марья подбадривающе и, как всегда, естественно улыбнулась и мило подмигнула ему. Андрейка покраснел и смутился еще больше. Но лицом не дрогнул.

– Ага, пойду. На закате? Увидимся там, – произнес он, придав голосу немного скучающий тон, обращаясь к Ивану и игнорируя вопрос девочки. На Марью он даже не посмотрел.

Иван только хмыкнул и сразу пошел вперед по дороге. За ним тут же засеменил Женя. Марья на секунду задержалась, внимательно посмотрев на Андрейку, и, не слова не говоря, поспешила вслед за ребятами.

Чуть только они зашли за дом, Андрейка тут же повесил голову на грудь. И без того скверное настроение превратилось просто в ужасное. Он принялся корить себя за свою невнимательность, что позволил застать себя врасплох за игрой с кошкой. Он уже большой для таких игр. Теперь все будут думать, что он малыш. Опять же все подружки бабушкины узнают, и ей будет стыдно за внука. Она, конечно, ему не скажет, но будет втайне переживать.

Он бросил взгляд в сторону. Кошка все еще сидела неподалеку, увлеченная изучением одуванчика. При ее виде в душе у него мгновенно закипела злость. Он схватил сандалию у порога и запустил ей в животное. Попадание было точным и хлестким. Дымка подскочила на месте и ринулась прочь, исчезнув через секунду за забором. Мальчика удивил тот факт, что, несмотря на боль и неожиданность, она не издала ни единого звука. Странная тварь.

Андрейка тяжело вздохнул и скрылся в доме, так и оставив сандалию лежать в траве.

В избу, где трепались о взрослых скучных вещах пожилые женщины, идти не хотелось, поэтому мальчик остался на кухне. Усевшись за обеденный стол, он положил голову на руки и погрузился в нескончаемо тяжелые и болезненные для его возраста думы.

И что за день сегодня такой? Начавшись буднично и безмятежно, затем сменился бурной неконтролируемой радостью с многообещающим продолжением, что в итоге привело его только к неприятностям в лесу, и как будто этого было мало – теперь вот это. Смущение души

его только усиливалось, и фронт ощущений все увереннее занимало смешанное чувство робости, злости на себя и стыда. Все от осознания того, насколько грубо он обошелся с Марьей и Дымкой.

В течение минуты он успел обидеть двух самых любимых девочек. Вот молодец.

И хоть Дымку он любил – это была всего лишь кошка, при том даже не его. Животное, которое не чувствовало к нему равным счетом ничего и приходило изредка, лишь преследуя личные выгоды. Сейчас она наверняка уже паслась у другого двора, в надежде, что кто-нибудь принесет что-то, чем можно поживиться. А вот Марья была одной из немногих ребят, которая действительно хорошо к нему относилась. Не говоря уже о том, какая она была красивая. Любой из дней, когда она приходила к нему на мостки или просто при случайной встрече болтала с ним, становился событием и западал в память так сильно, что и темными зимними вечерами, засыпая в своей кровати, он часто вспоминал некоторые из них. И каждый раз такие воспоминания невольно заставляли его улыбаться и беспокойно ерзать с бока на бок.

Теперь же она наверняка перестанет с ним дружески общаться, а то и вовсе здороваться. А еще может случиться так, что, обладая огромным авторитетом среди детей, она настроит их против него. Учитывая, что Андрейка и так почти изгой, страшно даже представить, с какой травлей и отчуждением ему придется тогда столкнуться. Мальчик всегда убеждал себя, что общество детей ему не особенно и нужно и что он самодостаточный и уединенный человек. Но мысль о подобном рода остракизме его очень напугала. Напугала так, что и думать он теперь не мог более ни о чем. С этой секунды мысли крутились только вокруг одного – во что бы то ни стало нужно наладить отношения с Марьей, и не потому даже, что она хороший друг – это как-то сразу отошло на задний план, а в первую очередь для того, чтобы избежать ее гнева. В общем, Андрейка струсил. Напугался так, что и сотне старух-людоедок не удалось бы. Чем больше Андрейка об этом думал, тем в больший ужас приходил. Мысль лихорадочно металась в голове ребенка в поисках, за какое оправдание можно зацепиться. За неимением очевидных объяснений сложившихся обстоятельств, которые могли бы оправдать его перед самим собой и перевернуть картину ситуации с ног на голову, в ход пошли совсем странные.

С досадой и злостью он думал, что вот так всегда в жизни. Если с утра все хорошо, то к вечеру жди беды. К примеру, если сегодня наудачу пятерку получил по математике, то скоро жди контрольную, по которой больше кола не будет. Или если папа игрушку подарил, то обязательно вскоре ты зонт сломаешь мамин, играя в пиратов. Это он знал наверняка. За хорошим всегда плохое следует и никак иначе. Потому Андрейка и остерегался испытывать сильные эмоции, в особенности положительные, поскольку, если не радоваться и не печалиться – ничего дурного не случится. И бабушка всегда говорила – курс нынче такой: за пять минут веселья дают час кручины. И верно говорит. Зря он поддался сегодня глупой радости, ведь она, проклятая, всегда преждевременна и сильна лишь обещаниями. Мол, будет тебе, ты только верь. А потом вместо обещанного – шиш, и тут тот час кручины и настает. Вот и сегодня так – с утра часок порадовался-подурачился, а теперь до ночи горевать придется, а то и дольше.

Неизвестно, куда бы завели его рассуждения, но тут дверь из большой комнаты широко открылась, и в просвете появилась бабушка. Она была одета в темное, скромное платье, а седые волосы были аккуратно зачесаны назад. Лицо ее было румяным и чуть более гладким, чем обычно – так с ней бывало после спиртного. Движения у нее были быстрыми и сумбурными, как будто она куда-то спешила.

– Вот ты где? Чего сидишь тут, нос повесил? Не заболел часом? – Андрейка отрицательно покачал головой в ответ. – А супа поел? Поешь супа, пока горячий. Там курица свежая, только сегодня дядя Сережа зарубил. А я ухожу, – и она подошла к платяному шкафу в углу и приня-

лась рыться в одном из многочисленных выдвижных ящиков. – К Смирновым. Знаешь Тетю Люду и Дядю Митю?

– Знаю. Дядю Митю сегодня только на реке видел. Он мне показывал, как рыбачить надо. Удочку обещал мне новую смастерить.

Бабушка сразу перестала рыться в тряпье, обернулась на внука и сказала тихо, как будто обращалась сама к себе:

– Да ты что? Сегодня видел? А вот и неживой он уже. Инсульт стукнул. Это беззубая рассказала. Митька то – все, говорит... эх, за одной партой сидели с ним. Все пьянка проклятая.

Взгляд бабушки помутнел и рассеялся – было видно, что она глядит куда-то внутрь себя, в далекое прошлое, туда, где она еще молода, и где все друзья и родственники еще живы и здоровы. Потом она в секунду вынырнула из этого состояния обратно в реальный мир и обычным для себя манером продолжила:

– Короче, мы с бабкой Машей пойдем пособолезнуем Людочке и вообще поможем ей, а то у нее из рук, наверное, все сыплется. Как тут не сыпаться? Столько лет вместе... хоть он и бил ее, конечно. Бедная баба... тоже света белого с ним не видела. Эх, ладно, о покойниках плохо не говорят, – она махнула рукой и вновь стала ковыряться в ящике. – Андрейка, а ты не видел моего платка черного, хлопкового? Не могу найти никак.

Андрейка знал, где платок. Когда последний раз он играл в пиратов, так вспотел, махая палкой на жару, что повесил платок сушиться на ветку вяза, да так потом без него и ушел. Но не это заботило его сейчас. И даже невероятная ссора со всеми деревенскими ребятами. Умер дядя Митя. Сразу после того странного видения, о котором он уже успел позабыть от изобилия событий сегодняшнего дня.

– Бабушка, а отчего умер-то, я не понял, – тихо спросил мальчик и внутренне сжался в ожидании ответа.

– Инсульт. Это когда кровь перестает течь. В голове.

В голове. Именно туда и забралась та черная мушка, после чего наваждение сразу прекратилось.

– А где перестает течь, вот тут – сверху? – спросил ошарашенный новостью Андрейка и положил ладонь себе на голову в район темени. Видимо, в голосе мальчика послышалась явная перемена, так что бабушка прекратила свои поиски и вновь обернулась на него, после чего брови удивленно полезли на лоб, а губы растянулись в улыбке.

– А чего? Не знаю я, может, и там. Побледнел аж весь. Да не бойся, с детьми такого не бывает. Со стариками все больше, – и она ухмыльнулась, а затем добавила, – хотя, говорят, такое бывает с теми, кто супа не ест.

Андрейка уже давно научился распознавать бабушкины незатейливые шутки, которые она использовала достаточно часто и часто же невпопад. Все потому, что бабушка никогда не разговаривала с ним как с ребенком – вероятно, не из воспитательных соображений, а просто потому, что ленилась «переводить» смысл слов на скудный детский язык. Потому общалась с внуком она ровно таким же образом, как и с беззубой бабкой Машей за стопкой наливки. Это если не на людях, конечно.

Бабушка, не получив никакой реакции на свои последние слова, ушла, что-то бормоча под нос – сетовала на старость и на плохую память. Когда дверь за ней закрылась, мальчик на секунду подумал, что нужно завтра же принести платок обратно, пока бабушка не извелась окончательно. Следом же вновь, словно тяжелым пуховым одеялом, его накрыло тревожное чувство непонимания и нереальности происходящего с ним.

Неужели это просто совпадение? Это страшное видение, буквально на пару секунд представшее перед глазами ребенка, быть может, ему привиделось? Или это были просто одни из тех мушек, которые обычно плавают перед глазами. У Андрейки вообще было очень живое воображение, наверное, из-за того, что много читал приключенческих книг. Ночью, когда

он вставал в туалет, часто впотьмах путал все тот же шкаф в сенях со страшным монстром, а проходя мимо окна, не раз принимал черные силуэты веток смородины, растущей на огороде, за огромные щупальца, вырывающиеся из под земли. Наверняка что-то подобное случилось и сегодня. Но ведь он точно видел, как черная колючая точка, пробив прореху в панцире из света, проникла в голову старика. Точно видел...

Тут дверь из избы вновь распахнулась, и в сенях оказались уже обе дамы – бабушка и беззубая Маша, как-то по-будничному прервав переживания мальчика.

– Ну, ты посмотри на него? – покачала головой бабушка, обращаясь к подруге, – опять сидит, как истукан. Супа поешь – тебе говорят! Что мне родители твои скажут, если я тебя сдам им в конце лета, словно из Освенцима?

– Откуда? – удивился мальчик незнакомому слову.

Бабушка не стала отвечать, лишь по обыкновению махнула рукой и, подойдя к плите, стала наливать суп в большую тарелку.

– Ну, ты подумай, Маша, чему теперь в школах учат? Одно только поколение прошло, и вот уже забыли, забыли, и не знают, и не учат.

Бабка Маша согласно закачала головой:

– Так и есть, не дать не взять... Анька, а помнишь, у нас в колхозе был еврей старый... как же его? Имя такое было у него интересное, не нашенское...

– Рафаил что ль? – спросила бабушка, нарезаая зеленый лук для супа.

– Ага, ага – он. После войны его к нам в колхоз определили, а до того он на Украине жил, а как кутерьма началась – попал там же в лагерь. Говорили, чудом выжил, а семья его вся, того... – и бабка Маша быстро перекрестилась. – Так я чего вспомнила. Он помнишь, какой странный был, не говорил ни с кем и глазами вращал так страшно, словно одержимый какой. И в ватнике ходил все время, даже летом. Ей-богу, как ни спарился? А потом мне Павка, брат, рассказывал, я тогда мала еще была, что мужики по пьяне к нему пристали однажды, мол, че ты, жид, в тулупе-то гуляешь, небось золото там прячешь? В общем, сдернули с него одежду – а там, с внутренней стороны, карманы пришиты здоровущие... а в них, значит, сухари, сахар кубиками в мешочке да рыба сушеная. Во как!

– А маца? Маца была? – вновь юморила бабушка, неся к столу поднос с дымящимся супом.

– Да ну тебя, Анька! Грешно так шутить. Я к тому, что вон, что голод с людьми делает. Видно, настрадался он там, в неволе, и всю оставшуюся жизнь еду по карманам прятал. Головой тронулся, бедолага. Не дай бог... – бабка Маша, последние лет десять всегда недоедавшая досыта, от своих же слов вдруг вся поникла – видимо, воспоминание пришлось близко к сердцу. Но бабушка, не отличавшаяся пронизательностью и особенной чуткостью, лишь хмыкнула.

– Я помню его. Жил до самой смерти бобылем – никто ему не готовил, а мужик разве будет сам себе готовить? Вот и питался сухарями. А мог бы и сосвататься к кому, он вроде работающий был, хоть и с придурью... зато не грамма не пил.

Бабка Маша вспыхнула.

– А ты чего не сосваталась к кому? Васьки-то уж пятнадцать годков нет, а ты все одна? А у еврея-то, женка была и детки – всех в печи сожгли фашисты! Верно, одна для него была, да так, что и смотреть после ни на кого не захотел. Это настоящая любовь! – горячо выпалила беззубая Маша, а затем утерла даже выступившую на щеке слезу. – У нас с Юркой также было – земля ему пухом... – из-за недостатка зубов, у бабки Маши были проблемы с артикуляцией, потому некоторые слова она смешно коверкала, например, слово «любовь» звучало как – лубоф, и таких искажений было порядком в ее речи, что, конечно, изрядно веселило порой «почтенную» публику. Андрейка и сам невольно заулыбался, и из вежливости ему даже

пришлось отвернуть голову в сторону и сделать вид, как будто он увидел на стене что-то невероятно интересное.

По лицу бабушки тоже пробежала недобрая тень – видимо, она собиралась что-то связать на этот счет, но в последний момент благоразумие перевесило чашу весов, и она решила не усугублять, пока дело не дошло до ругани и взаимных обид. Все же у нее было не так уж много подруг.

– Значит так, Андрейка. Супа поешь – тарелку в раукомойник. Хлеб в избе на печке – сам принесешь. Я вернусь часам к девяти, чтоб дома к этому времени был. Все, Маша пойдем.

И старушки, умело повязав платки на голове, были таковы.

Андрейка остался в пустом доме один на один с тарелкой супа.

И хоть с эмалированной поверхности тарелки на мальчика, сквозь гущу куриного бульона, задорно поглядывали вислоухие щенята, нарисованные на дне, есть не хотелось вовсе, а зрелище утопших в супе животных сегодня никак не способствовало аппетиту. Поэтому после недолгих колебаний суп отправился за окно. Думать и переживать о чем-либо тоже уже не было сил – детская психика не рассчитана на подобные перегрузки, поэтому в случае сильного направленного стресса быстро перегорает и отключается, тем самым уберегая рассудок от сильных повреждений. Словно предохранитель в электроприборе. Андрейка теперь чувствовал только апатию и безразличие ко всему. А следом пришла тяжелая, свинцовая усталость. Не хотелось ничего, кроме как укрыться с головой под тяжелым, чуть влажным одеялом и провалиться в бездну сна, отодвинув все проблемы на потом. Так он и поступил.

Снились Андрейке рыбы. Он не знал их названия, но они выглядели примерно как те, что ему иногда удавалось выловить из реки. Самые обыкновенные. Их было много. Они открывали и закрывали рты, то ли пытаясь вздохнуть, то ли что-то сказать. И без того ничего не выражающие глаза рыб были подернуты мутной пеленой, через которую они, кажется, совсем плохо видели.

Вода, в которой плавали рыбы, была холодной и темной, что еще больше ухудшало обзор. Впрочем, вокруг все равно не было ничего, кроме темной толщи воды, которая уходила во все стороны, и, казалось, сколько ни плыви рыба через эту темноту, все одно окажешься примерно там же, где и сейчас, потому что везде было одинаково. Поэтому рыбы никуда не уплывали, а лишь тихо курсировали взад-вперед в интуитивно очерченном пространстве. И так как плыть было некуда, да и незачем, а видеть вдаль не было никакой возможности, то они все время занимались одним – смотрели друг на друга, подплывая то ближе, то чуть отплывая, иногда даже касаясь чешуйчатými боками или хвостами, при этом не переставая ни на секунду хлопать беззубыми, словно у бабки Маши, ртами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.